Прощание с хутором

Борис Петрович Екимов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Очерк известного волгоградского писателя о прошлой и нынешней жизни донских казачьих хуторов.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
Прощание с хутором

В ГОДЫ нынешние всякий раз, когда я прихожу ли, приезжаю на хутор, начинает грезиться мне, что это гостеванье последнее. Один за другим уходят старые хуторяне к жилью иному, чаще к вечному, которое на Прощальном кургане. Умирает хутор. Да и свои годы немалые я тоже умею считать. Так что всякий раз чудится мне печальное, когда прихожу на хутор или прощаюсь с ним. Но хочется расставанья светлого. И зимою прошлою решил я уйти прежде намеченного срока, чтобы опередить непогоду.

— Куда спешишь? — уговаривал меня хозяин. — Барометр молчит. Может, машина будет, уедешь.

Барометр и вправду «молчал». Но предстоящую непогоду я нутром чуял, не хотел слякоти или метельного плена под ногами, под колесами машины. Хотелось пройти пешком по льду, по замерзшему, снегом полоненному Дону до станицы Голубинской, чтобы уже оттуда уехать по асфальту домой. А по пути свернуть в лесистое займище, к озерам, да на Стенькин курган подняться.

Хотелось ясного солнечного дня, чистого неба, далекого горизонта, зимнего земного простора, чтобы идти, как говорится, легкой ногой, когда душа радуется и не считаешь пройденные и остатние, порой нелегкие, версты. В пути одиноком это очень важно.

По нынешнему оскудевшему хутору от бывшего «центра», где живет мой товарищ, к Дону путь лежит недалекий, тем более что можно шагать напрямую. Когда-то хутор делился на «майдан» с магазином, правлением и «куты»: Забарак, Варшава и прочее. Потом объявились улицы да переулки. Конечно же Ленина, Сталина, Набережная… В сельсовете их именовали да числили, чтобы не растерять. Ведь в прошлом веке на хуторе было до двухсот дворов и усадеб. Теперь наскребешь ли десяток стариковских, доживающих.

Наверху, в Забараке, — голая пустынь: дед Федор умер, Паня Стишенкова в райцентр ушла, Мишка Бахчевник сгорел, соседка его и зазноба подалась к новому сожителю в Малую Голубую.

Да и в самом хуторе не с кем, уходя, попрощаться.

Одна лишь престарелая бабка Ксеня день-деньской в своей хате у окошка сидит, непонятно кого выглядывая. Махнешь ей рукой на прощанье. Соседки ее, бабки Кати, хатенка закрыта и, видимо, навсегда. Другой сосед, Панкратьич, по зимнему времени пропадает на речке, «окуней гоняет».

По правую руку, через пустырь, — просторного размаха поместье Михаила Гаврилова, которому семьдесят лет. Но он всегда в делах: где-то ныряет в толчее разномастных сараев, сарайчиков, катухов, загонов да загородок, курников, закутов и прочих строений, лепленных из чего бог пошлет: старый побитый шифер, почерневшие доски, лист ржавого железа, такая же металлическая сетка-рабица, дряхлый плетень без обмазки.

Конечно, Гаврилов мог бы поставить настоящие базы да сараи. Но… уже который год он собирается на побег в районный центр. Там куплен дом, в который другой десяток лет Гаврилов все собирается и собирается переехать. «Лето перебудем, и всё… Телята нехай подрастут, наберут весу, тогда продадим и уедем…», «Такие хорошие бычки… за копейку отдашь… А к осени они мяса нагуляют…», «Три квочки так расхорошо сидели… Полсотни цыплят. Куда их? Нехай растут…», «Сена накосил много. Его не повезешь. Продержим скотину, а уж потом…»

В одежде аккуратный, всегда побритый, он порою поглядит светлыми виноватыми глазами и честно признается: «Так неохота уезжать. Тут — воля. Все — свое, — вздохнет, взглядом окинет родной простор: холмы, долину, приречный лес. Потом добавит: — И хозяйство не кинешь, с собой не возьмешь. Тама… — лишь

крякнет он да махнет рукой. — Жена ездит за домом доглядает. Детей проведывает, внуков. Везёт им… Мыкается, — вздыхает он, добавляя: — В дело и не в дело. Бабы…»

В последнем словце кроется многое. «Женский вопрос» на хуторе — давний и очень больной.

У Панкратьича часто уезжает жена: к старой матери, которая болеет; к сестре, к детям. У Гаврилова та же песня: «Проводил в Калач, поехала…», «…жду, должна надъехать… чего-то все нету… либо…». У Панкратьича в хозяйстве куры и дойная коза. Управляется. Но, конечно, одному тоскливо.

У Михаила Гаврилова хозяйство серьезней. Корову давно научился доить. Остальное привычней.

У моего товарища та же песня: квартира в городе пустая стоит. Жена который уже год твердит и твердит: «Надоело… Давай уедем… Пожить по-человечески… Отдохнуть чуток…» Ей в ответ: «Устала она… А какие тут дела?.. Коровы да куры… Нашла об чем говорить. Вот, бывалоча, наши матеря…»

Дела и заботы на усадьбах, в домах Панкратьича, Гавриловых для меня — чужой монастырь. Мимо иду, если кого увижу, то поздороваюсь. Иной раз постоим, поговорим. Вот и все.

А у товарища я не первый год гостюю. Считай, свой человек. Но я все же — сторонний, не хуторской. И потому вздыхаю, когда укоряет приятель мой свою Катерину: «Какие у нас дела… Так — делишки».

«И какая тут может быть усталость? — это к жене вопрос, если она рядом. Или ко мне. А потом горький вывод: — Не хотят работать. Что моя Катерина, что другие. Все бы им куда-то ехать, лететь, проведывать. Лишь бы убраться с хутора».

Он не только говорит, он личным примером доказывает, своими руками: «Вот гляди… Встал я утром, корову напоил, два ведра принести нетрудно. Надергал сена охапку, нехай кормится. Взял лопатку, катяши в стойле почистил, вывез в корыте. Коровий вопрос решен. Курям воды налил. Сыпанул им зерна. За полчаса я управился со всем хозяйством. До вечера свободен. Могу на рыбалку пойти, могу телевизор глядеть».

Когда я слышу такие речи, то вспоминается мне старая сказка про то, как поп работницу нанимал, объясняя ей, какое легкое житье ее ждет. «До свету встанешь, избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь — и спи себе, отдыхай… Завтрак состряпаешь, белье постираешь, чего надо поштопаешь, обод сготовишь — и спи, отдыхай». И так далее, целый день: «Спи отдыхай…».

Сказка точная. Особенно по теплому примени, которое в наших краях тянется, считай, с марта до декабря. На белой заре поднимается хозяйка и топчется до темной ночи. Пусть на базу

даже одна корова, легко сказать: «Подои…». Но сначала вымя подмой, оботри, помассируй да потягай эти сиськи, да чтобы корова стояла спокойно. «Стой, Лысёна, стой… Перевернешь подойник…» По летнему времени руится мошкара, комарье, бзык не даёт покою. Потом молоко надо процедить, обработать: просепарировать, вскипятить, заквасить. Сразу помыть сепаратор, подойник, цедилку, чтобы не закисли. Легко сказать: «Подои…» И это лишь одно дело, раннего утра. А потом этих дел несчетно: в доме, на кухне, во дворе, в огороде. Тем более что хуторская обыденная жизнь и нынче от «каменного века» недалеко ушла. Кранов с горячей водой да стиральных машин-автоматов тут по-прежнему нет. Все по старинушке. Хочешь помыться, с утра баню топи. Одно дело другое цепляет: «У Лысёны глазик слезит. Где-то была мазь. Надо найти…», «У курей в гнездах солому поменять. Яйца грязные», «Старый петух какой-то невеселый. Поймать, поглядеть… Либо — вши. Надо белить в курятнике…»

Всё — надо. Дворового сторожа Тузика перевести от дневного пекла в тенистое место да землю улить для прохлады. Три кошки — тоже немалая забота.

— Обо всех она горится, — пеняет хозяйке муж. — Об собаках, об кошках… Жёвками готова их кормить.

В ответ ему укор справедливый:

— А у тебя, как уеду, то собака сдохнет, то кошка. Хозяин…

— Меньше надо ездить. Увеетесь… Тут не кошка, тут сам сдохнешь, пока вы гостюете. Повадились…

— Будешь бунеть, вовсе не приеду. Сиди, как волк, на своем хуторе. Как Витя Кравченко.

Виктор Кравченко был великим трудягой. Последний такой на хуторе. Он помер прежде срока «от сердца». Надорвался. Ведь дном и ночью в трудах непомерных: усадьба, земля, скотина, да еще на Дону рыбачил. Там и вовсе… Сколько помню, всегда «в одного», зимой и летом. Худющий, носатый, в куцей продувной куртешке, веревкой подпоясанный. Лунки во льду бьет, сети ставит, проверяет. Лед сойдет, плавными сетями работает, тоже один, ночью. А днем огород «дурачий», как люди говорили. Гектара на два. И все — руками: лопатой, мотыгой. Огород — «плантация», да еще молодой сад, да еще скотину держал и птицу.

Конечно, хотел он, чтобы жена его также «ломила». А она враскорячку: хутор и районный центр, поселок, где у них домик, учатся в школе дети. Потом она и работу там же нашла, поставив на хуторе крест.

«Не хотит работать, — жаловался на жену Виктор. — Здесь ей то жарко, то зябко, то спину ломит. Креслу бы ей мягкую, с

подогревом, чтобы сип не чихал».

Порою он мечтал: «Мне бы такую жену, как Паня Стишенкова. С ней бы мы потрудились».

«На камне хлеб добудет», — говорили про Паню на хуторе. Она вдовела, одна растила сыновей; уже без колхоза и его заработков, добывая копейку чем только можно. Держала двух коров, молоко продавала, творог, сметану. Делала самогон, самый лучший на хуторе. Крепкий и не вонючий. На удивление всем, рыбачила: сетчонку поставит, вентерь; удочкой красноперку, плотву, окуня надергает даже зимой, мужикам нос утрет. Собирала шиповник, боярышник, грибы — все на продажу. Даже сусликов, ящериц, змей по заказу ловила. И в конце концов, «сбив копеечку», уехала в районный центр, купив там домик.

Панина усадьба — на краю хутора, у кургана в затишке. Старый сад с могучими вековыми грушами, с вишневой, сливовой, терновой гущиной. Хорошо там сидеть в тишине и покое. Весной, утонув в белом цвете, в живом гуденье тварей летучих, в сладком духе. Или осенью, когда в маковках груш ветер шумит, а в подножье приютно, светло, по-осеннему нарядно. Багровая, желтая, алая листва даже в пасмурном дне светит и греет. Воздух прозрачен. Далеко все видать: просторная долина, тополя да вербы над речкой в яркой желтизне, белые меловые обрывы.

Но Паня Стишенкова отсюда уехала, потому что…

* * *

— КАК там воздух? — по телефону спрашиваю у супруги моего товарища. — Свежий?

— Приезжайте, очень свежий, — отвечает она. — Не то что городской. Лысёна убрела, полдня искали ее. По грязюке, по яругам на карачках да на заднице лазили. Дышали.

Это понятно. Осень. Грязь.

— Приезжайте. Мошка кипит, не дохнешь. Скотину заела. Дымари разводим на базу, в катухах, у курей. Сами прокоптились, не протухнем теперь.

— Приезжайте. На вертолете. Хлеба везите. Дороги перемело. Свету нет. Где-то провода оборвались. Вот и сидим с лампой. Керосин кончается. Совсем свежий будет воздух.

В телефонной трубке что-то трещит, разговор обрывается. Ведь там по-прежнему: столбы, провода, степь, вечный ветер. А может, просто надоели моей собеседнице эти разговоры «сытого с голодным», когда сидит она без электричества, без хлеба, в

безлюдье.

Кажется, еще недавно на хуторе вокруг и рядом жили бабка Акуля, Фома Жармелов с женою Хомовной, Нюся-татарка, сын ее — Васька, чеченка Полина, Вьючновы, кум Павло, тетя Катя Одининцева, старые Шахманы, Савва, Мишка Бахчевник, дед Федор да Федя-суслик, Витя Кравченко, Мишка Хухука, Чоковы… К телефону идут чуть не строем. Надоедят, хоть гони их порой.

Вроде еще недавно товарищ мой писал отчаянное письмо «К администрации всех рангов!»: «В хуторе проживают более 120 жителей…» Нынче их — на пальцах перечтешь. Перемерли, уехали, не вернутся. Последним хуторянам: Гавриловым, Адининцевым, Панкратьичу да соседке его бабке Ксене перевалило за семьдесят лет. Старые люди, ветхие домишки, руины… Из новостроек за последние двадцать ли, тридцать лет лишь гладкий, хорошо обтесанный столб, который водрузили в прошлом году возле подворья моего товарища. «Говорят, что какой-то будет телефон, вроде из космоса, — сказал тогда мне хозяин. И добавил: — Брешут, наверное. Кому это нужно…»

Оказалось, что «нужно». В нынешний мой приезд на белом, ошкуренном, еще не потемневшем столбе красовался под синим пластмассовым навесом ярко-красный телефон ли, таксофон. Все на месте и все чин по чину: трубка, кнопки, инструкция с картинками для неграмотных. Но возле столба и «таксофона» снег не утоптан. Я подошел, поглядел, трубку телефонную снял и даже кнопочки понажимал: 09, 01, 02, 03. Ответа, конечно, не было. Может потому, что, как явствовало из инструкции, для разговоров по таксофону нужны «карточки», которые можно приобрести в станице Голубинской, т. е далеко-далёко отсюда.

На хуторе, как и прежде, есть три обычных телефона: у моего товарища, у Юрия Старикова и в школе. А еще телефоны-«мобильники». В самом хуторе они молчат, потому что лежит он в ложбине; но поднимись на гору и «гутарь» со всем белым светом. Гору теперь зовут «переговорным пунктом». Туда при нужде и тащатся старые.

А этот приглядный таксофон обречен на долгое молчание. Очередная «программа», бюджетные деньги «на ветер», который дует прямиком в чей-то «карман». Полторы тысячи никому не нужных «таксофонов» установили в нашей области, на таких вот обезлюдевших хуторах. Хотели даже водрузить такой вот «столп» на Евлампиевском хуторе, где уже два десятка лет — одно лишь кладбище. Но где-то «числится» хутор, и ему положен столб с таксофоном. Едва отбоярились в сельской администрации от такого подарка. А на мой взгляд, можно было и поставить. Недолгий, но памятник. Чему? Новому времени, новой экономике

или старой дури?.. Мало ли чему. Впрочем, виноват: «дурь» — ни при чем. Это, конечно, чей-то «бизнес» и, конечно, «коммерческая тайна». Но речь нынче вовсе о другом.

Этот столб с никому не нужным телефоном ли, таксофоном — единственная хуторская новостройка, считай, за тридцать переходных лет от колхозного социализма до нынешних дней.

При советской власти, в последних годах ее, когда областью руководил энергичный В. И. Калашников, возле хутора в короткий срок, за два года, возвели огромный животноводческий комплекс, по задумке, оживить этот обезлюдевший край. Не хватило года ли, двух, чтобы сделать дорогу с «твердым покрытием». Она уже была спроектирована, геодезическую разметку провели; но грянула «перестройка».

С той поры началось разорение хутора. Сносили и снесли под корень: почту, магазин, клуб, просторную старую школу, бригадные мастерские, склады, амбары, большую часть того самого огромного «животноводческого комплекса», жилые дома. Все это, без ведома хуторян, большим и малым начальством кому-то продавалось, кем-то «приватизировалось», а потом разбиралось и увозилось, оставляя хутору лишь мусор.

И вот она — первая за четверть века новостройка: свежеошкуренный белый столб с никому не нужным телефоном-таксофоном.

В двух шагах от новенького таксофона прижился еще один новосел: огромная серебристая тарелка не абы чего, а Интернета. Школьное здание — старинный казачий курень, приземистый, под замшелой крышей. Общероссийская правительственная программа «Школа» ли, «Образование» нахлобучила ему эту серебряную, «космическую», явно не по Сеньке шляпу.

Когда я увидел ее, изумился, потому что знал: в начальной хуторской школе учеников кот наплакал. Было — двое, теперь — одна ученица из многодетной чеченской семьи, в которой еще пять ли, шесть сыновей. Девочка милая, приятно поглядеть, когда идет она из школы, особенно по теплому времени: аккуратная, принаряженная, с бантами. И учительницу я, конечно, давно знаю. Но причем тут «Интернет»? Когда я в первый раз увидел «тарелку», изумился. При случае спросил у Юрия — школьного сторожа, истопника, мужа учительницы.

— Интернет, что ли, в школе? Компьютеры?

— Нет, нет… — испуганно открестился Юрий. — Всё в станице или в районе. А здесь только эту дуру прилепили. Боимся, как бы ветром не сдуло.

— Вместе со школой, — добавил я.

— Говорят, дорогущая… — доверительно сообщил Юрий. —

А ведь могут и упереть. У нас на хуторе какой народ…

Моей последней надеждой на хуторе оставался Юрий Стариков. Он — местный. По возрасту — собирался первый юбилей отмечать, пятидесятилетие. Юрий держал крупный рогатый скот, год от году расширяя стадо. Голов полтораста у него было. Собирался довести до двухсот. Обустроил огромное подворье: базы, загоны, телятник, крытый сенник; имел три трактора, машины, сена косил много. С давних пор я говорил ему: «Землю, землю бери… У тебя под боком луг погибает без хозяина. По речке вверх — попасы немереные, пока ничьи. Оформляй землю. А то найдутся хозяева, потом «бумагу» тебе покажут, а ты останешься без попасов и сена». Эти разговоры я вел много лет. Но Юрий колебался, медлил. И только в прошлом году начал оформлять землю. Успел баню с парной построить и даже бильярдную комнату. Говорил мне, что свой гурт на летний попас отправит выше по речке к Ситникову переезду. Там летом и зимой богатые корма. Говорил и уже построил домик на колесах для житья полевского. И землю тамошнюю оформлял в аренду.

Но Юрий погиб, до юбилея не дожив. Погиб. А значит, и хутору Большой Набатов пришел конец. В скорбном списке уходящих людских селений на донских берегах он — далеко не первый, но все равно жалко. На глазах умер.

Область Всевеликого войска Донского — край казачий. В юрте ли, округе станицы Голубинской, которой 400 лет от роду, было когда-то двадцать четыре хутора. И все — немалые. По пятьдесят, по сотне дворов и более. Большая Голубая да Большой Набатов, Липологовский да Осинологовский, Малая Голубая да Малый Набатов, Каменнобродский, Найденовский, Тепленький… У этой донской земли долгая память, но оказалось: отмеряй ее срок. На близкой памяти — десять да двадцать лет — помню хутора живые и помню последних жителей: Борис Павлович Лысенко в Евлампиевском, могутная Любаня из Большой Голубой; теперь там лишь кладбища. Вот и Большому Набатову пришел конец.

Из двадцати четырех хуторов Голубинской станицы в живых лишь один — Малоголубинский. Там есть начальная школа, магазин, фельдшерский пункт. Но нет работы. Асфальтовую дорогу до станицы, какой-то десяток километров, довели до середины и вот уже почти двадцать лет обещают достроить. Газопровод тоже обещают. Но пока «поспеют каныши», не останется от хутора ни души.

Последний донской хутор донской станицы Голубинской.

Нынешней весной Президент России принимал ли, проводил совещание с руководителями нынешнего казачества. «Картинка»

по телевизору: хорошие лица, как у нас говорят, «сытенькие». «Асфальтовые» казаки, городские. Вспоминаю одного из таких. В 90-е годы сплошной демократии он мыкался с одного городского митинга на другой. При казачьей форме, при сабле, при каких крестах. Везде длинные речи держал. На одном из собраний пытался его урезонить руководитель Иловлинской районной администрации: «Ты же землю просил, мы тебе дали. Земля — в бурьяне, а ты все шумишь возле памятника Ленину».

Резоны не помогли. Ответ был простой: «Глобально надо решать! А ты со своей землей!» Это у казачьего «генерала» Григория Мелехова «набитые музлями руки». А нынешние о чем говорили на совещании у Президента?

Обращаюсь к газетам, ищу. «Российская газета», официальная, поместила лишь фотографию: Медведев и казачьи генералы. О чем говорят — молчок. В нашей областной газете «Казачий круг» информация более подробная: «Решались важные вопросы, в том числе: о форме и знаках различия, наградах и поощрениях, символах и знаменах, чтобы все было в едином стиле и соответствии с геральдикой…»

Не будут же «генералы» голову ломать о дороге на хутор Малоголубинский. Ее обещают достроить уже двадцать лет. Нынче, в 2009 году, виноват то ли «мировой кризис», то ли предстоящая зимняя олимпиада в Сочи.

Последний хутор когда-то могучей донской станицы Голубинской, которой четыреста лет и которая тоже дышит на ладан.

Среднюю школу здесь построили на пятьсот учеников. Сейчас их — сотня, на такую громаду. Не хватает учителей. Приходится их возить из райцентра. Не могут подобрать крепкого директора школы, взамен ушедшего на пенсию. В местной больнице нет молодых врачей, медсестер. Этот «кадровый голод» можно было решить, пригласив специалистов-«беженцев» из республик бывшего Союза. Для этого нужно жилье. Четыре двухэтажных дома еще можно восстановить. Но как всегда: нет денег. В детском садике осталось 11 детей. Просторное двухэтажное здание наполовину закрыли, до времен лучших, которых не будет. Впору еще половинить.

Совхоз «Голубинский», потом МУСП, но в то же время ООО или ОАО сходит на нет, а значит — повальная безработица. Какое будущее у этой казачьей станицы, которая крылатилась по округе на двадцать четыре хутора, а сейчас остался один?

Об этом на совещании казачьих генералов у Президента разговоров конечно же не было. Решали «глобально». Еще одного генерала поздравил Президент и вручил погоны. Но над кем

«генералить»?

«Казачьему роду нет переводу», — вспомнилось мне.

Не берусь судить о казаках уральских, забайкальских, терских ли, кубанских. Но думаю, что их судьба такая же горькая, как наших, донских: голубинских, набатовских, пятиизбянских…

Началось это не вчера и вершилось не вдруг.

Войны: Первая мировая, а за ней — страшнее, Гражданская.

Директива Оргбюро ЦК за подписью Якова Свердлова: «… Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. (А кто «богатый»? Имеющий пару быков и лошадь? — **Б. Е.**) Конфисковать хлеб». (А значит, остальных голодом уморить. — **Б. Е.**)

«Очистительное пламя должно пройти по всему Дону… Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции» (Лев Троцкий, председатель Реввоенсовета).

«Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически» (Рейнгольд, член Донревкома).

Не десятки, а сотни тысяч (называют в разных источниках более 1 млн.) донских казаков погибли в боях, расстреляны, умерли в тюрьмах, спасаясь, уплыли из Новороссийска и Крыма в Турцию и далее разбрелись по миру.

Это был первый, самый тяжкий и опустошительный удар по донскому казачеству. Недаром в те же годы началось массовое переселение на обезлюдевшие казачьи земли крестьян из соседних областей, расчленение Области войска Донского с передачей его земель Украине (Луганская, Донецкая губернии), Воронежской, Саратовской, Царицынской губерниям. Но этот удар не был последним?

Донские казаки всегда жили землей: пахали, сеяли, разводили скот.

Пришла «коллективизация», а с ней — «раскулачивание». И опять — десятки тысяч самых трудолюбивых, а значит, «зажиточных» казаков морили в тюрьмах, везли эшелонами, а потом баржами, по северным да сибирским рекам, вместе с малыми детьми в края полярные или в пустыни.

А потом были «дела колосковые». И был 1937 год. Снова — тюрьмы, снова — расстрелы и ссылки.

Сколько казачьих жизней в эти годы погублено?.. Кто их считал?.. Местный журналист Н. Ф. Степанов по архивам ФСБ установил, что только в двух хуторах, Качалинском и Гуреевском, только в 1937 году были расстреляны и сосланы в исправительно-трудовые лагеря 48 казаков. Домой вернулись только двое, в 1949 году. На этих хуторах было 102 двора.

А через четыре года с этих же хуторов на войну были призваны 87 казаков. Вернулись с войны очень немногие.

Казачий край становился краем вдов, сирот, безмужних девок-«вековух». Он естественно вымирал, теряя и теряя своих мужиков, хозяев. И в первую очередь хозяев крепких, зажиточных, не «востропузую чигу», не голь перекатную, а донских казаков, которыми ставился этот край и славился, кормил себя и других, охранял свои земли и всю Россию, берег вековые нравственные законы семейного и общего жития. И потому «…казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции». Этот приказ Троцкого исполнился не вдруг. Не вязанку хвороста жгли, а Всевеликое войско Донское, которое «надо будет…истребить, просто уничтожить физически» (Рейнгольд).

Уничтожали, искореняли, считай, целый век. С октября 1917 года. Искоренили. Простой пример.

В конце прошлого века, после земельных реформ на земли бывших колхозов, не в один день, а в два-три десятилетия пришли новые хозяева. В нашем районе они теперь широко известны: семья Штепо, А. Б. Колесниченко, Н. Н. Олейников, Осипов, А. И. Кузьменко, С. М. Якутин, В. В. Крючков и др. — все они прежде работали в коллективных хозяйствах. Нынче у каждого из них тысячи и десятки тысяч гектаров пашни, элитные молочные фермы, поливные земли. Все начинали, как говорится, «с нуля». Опытные хозяева, умные люди, настойчивые, трудолюбивые. Потому и получилось.

В Задонье, в казачьих голубинских да пятиизбянских краях таких людей не оказалось. Охотников было много. Их сотнями можно считать. Были и все сплыли. На сегодняшний день лишь несколько хозяев: Синицын, Семерников, Дубовов, Пушкин работают, как говорится, «для собственного прокорма». Сотня-другая гектаров земли: бахчи, подсолнух, ячмень, пшеничка, просо. Кое-какая техника. Перспектив развития нет. Кормятся сами, и слава богу.

Еще один пример. Лет десять назад, а может, и более, когда началось «возрождение казачества»: митинги, «круги» да сходы, в основном в городах, выборы атаманов, лампасы, фуражки и прочее, в ту веселую пору в станице Голубинской районные власти решили создать конноспортивную школу. Подыскали помещение, привезли лошадей, корма, сбрую, технику для заготовки сена, зарплату установили «штатным» работникам и передали все станичному казачьему обществу: «Владейте и возрождайтесь!» Потому что: «Без коня казак — сирота», «Казаку конь себя дороже», «Казак сам голодает, а лошадь сыта» — старинные и вовсе не пустые казачьи пословицы.

Но… кони в «казачьем обществе станицы Голубинской» стали дохнуть и вовсе куда-то пропадать. Кормов и ухода не оказалось. Пришлось эту затею оставить. «Не к рукам цимбалы» — тоже старая казачья пословица. Очень верная.

Это, считаю я, показатель того, что настоящий хозяин в задонских казачьих хуторах уничтожен революцией, Гражданской войной, коллективизацией, «тридцать седьмым годом». Расстреливали, губили в тюрьмах, высылали на Север. И снова расстреливали, «кратировали», лишали права жить и трудиться на этой земле. Сиротили и вдовили донскую землю, забирая и забирая лучших работников, пахарей, казаков, просто мужчин.

Какое-то спасенье, новую мужскую (конечно же не казачью!) кровь принесли в наши края заключенные, которые строили после войны Волго-Донской канал. Здесь было около десятка лагерей, двести тысяч заключенных, которых порой освобождали, «условно» или напрочь. Многие оседали в наших краях. Только у меня, в ближних соседях помню Петра Семеновича Веденеева, Сергея Михайловича Тимоничева, Абрама Астафьева, Кузьмича, тети-Мотиного Андрея. Они отбыли срок, присватались к вдовам, стали своими. Но это было уже потом, в годах 50-х.

А сначала — всеобщий голод, и не один, Великая Отечественная война, послевоенная разруха, снова — голод и голод. Повторю: донские казаки — это станичники, хуторяне, крестьяне, потом колхозники с пустыми «палочками»-трудоднями, с судьбой «крепостного», не имеющего права уйти из колхоза, ведь им даже паспорта не полагалось.

От такой жизни бежали из хуторов и станиц при первой возможности. А уж детей тем более старались вытолкать в город, в город, в город… К лучшей жизни, к лучшей судьбе.

Донские хутора пустели. Не помогли даже новые времена: «оттепель» пятидесятых годов, когда селяне наконец-то наелись чистого хлебушка, без лебеды, желудей и прочих добавок; и когда им наконец стали выдавать паспорта. Тут и вовсе, уже по закону, стали уходить в города, в поселки, на заводы, на стройки.

И тогда, волна за волной, покатили в наши края переселенцы: подмосковные шахтеры, после закрытия тамошних шахт; селяне из Белоруссии, Чувашии, Мордовии, северных да центральных областей России, которым жилось вовсе не сладко; потом объявились «целинники» и прочий народ, охочий до «единовременных безвозвратных денежных выплат на переезд, обустройство» и бесплатное жилье, которое начали строить для переселенцев. Но в то же время власти высокие, по соображениям тоже «высоким», идейным, урезали приусадебные участки, ограничивали количество скота на подворье, объявляли хутора

«неперспективными», закрывая там школы, фельдшерские пункты, отключая электричество. Потом начались «перестройка», «приватизация», «сельский капитализм». Сельский, а значит, казачий исход продолжался.

Осенью 1994 года в очерке «Последний рубеж» писал я: «Не провели семь километров дороги. Закрыли магазин. Не возят детей в школу. Пожалели копейку на фельдшера. Обидели невниманием старых, и вот уже разошелся хутор… Уходим. Бросаем за хутором хутор, оставляя на поруганье могилы отцов и дедов… Похоронным звоном звучат имена ушедших. Зоричев, Тепленький, Соловьи… Уже вслух говорят и кричат, что не мы, а иные народы — хозяева донской степи…»

Теперь, спустя пятнадцать лет, можно твердо сказать: «Ушли». На Большой Голубой, в Осиновском, Ложках, Большом да Малом Набатове, на Козловской, на Осипове, на Фоминколодском, на Гремячем ключе, на Венцах — везде и везде, на месте былых хуторов селенья иные: один ли, два дома, гурт крупного рогатого скота, овцы, козы. Хозяева — чеченцы, азербайджанцы, дагестанцы. Многие живут здесь подолгу. Появились они еще при колхозах и пережили их, приспособились к временам новым. Теперь на райцентровском базаре они торгуют не только мясом, но и молоком, творогом, сметаной, чего еще десять лет назад не было. Нужда заставила. Научились. Думаю, ко всеобщей пользе.

«Всеобщая польза» — не красное словцо. На этих задонских землях, не больно богатых, четыре ли, пять веков жили донские казаки, которые не только воевали, охраняя эти края, но главным образом работали на земле, занимаясь в основном мясным скотоводством, коневодством, овцеводством.

Просторные степные попасы, довольно теплые зимы, позволяющие содержать скот на подножном корму круглый год. Так было всегда.

Теперь, когда колхозное производство, а с ним — невыгодное зерноводство на тощих землях, ушло и уходят в прошлое, на месте старых хуторов, новых селеньях-аулах чеченцы, даргинцы, азербайджанцы занимаются все тем же мясным скотоводством, традиционным для этих народов ремеслом.

Поселенцы из краев кавказских начали приходить сюда лет тридцать назад. Конечно, не от хорошей жизни: спасаясь от малоземелья, безработицы, потом от неспокойного времени и войны. Чеченцев, ингушей, даргинцев порою зазывали, привозили особенно в края глухие: калачевское Задонье, Суровикинский район, Клетский, Чернышковский, потому что с чабанских «точек» уходили местные люди и некому было заниматься овцеводством.

По переписи 2002 года чеченцев в нашем районе было уже около тысячи; примерно столько же других кавказцев: азербайджанцев, грузин, ингушей, лезгин. Причем живут они не в райцентре, не в крупных поселках, а на бывших хуторах, оставленных местными жителями, на просторной земле.

И коли речь зашла о переписи 2002 года, добавлю факты любопытные: в переписных листах один человек в районе заявил себя ассирийцем, один — горским евреем, один — караимом, двое — лугово-восточными марийцами (просто «марийцев» — 253), один — ненец, один — якут и восемьсот восемьдесят восемь казаков. Это — национальное самосознание, позволенное нынешним временем. Всего населения в районе, по той же переписи, 62 228 человек.

Хоть и говорят, что цифра ли, статистика вещи «упрямые», доказательные, но для нас — людей обычных — они достаточно эфемерны. «Мало ли чего нарисуют…» Более доказательна — жизнь.

На хуторе Большой Набатов, с которым я нынче прощаюсь, из коренных жителей осталась лишь горстка стариков, которые не сегодня завтра уйдут отсюда. Молодых нет. А вот у чеченца Алика, который поселился здесь двадцать лет назад, пятеро сыновей, взрослая и малая дочери. В хозяйстве его сотни полторы крупного рогатого скота, сотня ли, поболее коз, недавно появилось полсотни овец. У него есть два колесных трактора, сенокосилка.

А главное, сыновья-помощники. Они доят коров, пасут скотину, базы ремонтируют — словом, без дела не сидят.

В нынешний зимний приезд встретил я старшего сына, парня рослого, работящего. С дневного попаса встречал он коз да еще с полсотни овец, которых я прежде не видел. Поздоровались. Я спросил про овец. «Купили, — услышал в ответ. — Хорошая порода, эдильбаевская мясная. Есть спрос, пробуем». (До начала «перестройки» поголовье овец в нашей области перевалило за два миллиона. Теперь наберется тысяч пятьдесят, и то слава богу. Так что спрос на баранину, конечно же, есть).

Поговорили о погоде. Молодой мой собеседник пожаловался: «Скучно у нас. Скотина да скотина. Редко когда в Голубинку съездим, и все…»

Но жалобы на скуку, думаю, просто для разговора. Парню уже лет двадцать. Главный помощник отца, считай, хозяин. Хвалят его, он всю скотину свою знает «в лицо»: сколько лет, когда корова «гулялась», когда ей телиться и прочее. Отец купил на хуторе еще два подворья, с жилыми домами, базами. Вот-вот женит старшего, отделит его.

Младшие сыновья останутся пока при отце. Пока. Школьной учебой обычно не обременяют. Главное занятие — хозяйство, скот. В этом деле, жизненном, они преуспевают. Порою, как все мальчишки, играют в футбол, установив недалеко от дома жердевые ворота. Но эта забава — минутная. Главное — работа, та же, что у отца и матери, и у старшего брата. Дело нынешней и завтрашней жизни, которая будет протекать на хуторе Большой Набатов или рядом, неподалеку. Отец их говорил, что собирается будущим летом отправить свой гурт на попас в Евлампиевку, которая нынче вовсе пустует.

Еще одно подворье на хуторе для своего старшего сына купил Азиз — единственный житель соседнего Малого Набатова. Так что без всякой статистики понятно, какое будущее у когда-то действительно Большого Набатова, ныне умирающего казачьего хутора.

Это — жизнь. Он нее не отвернешься. И слава богу, что после ушедших казачьих хуторов осталось не дикое поле, а пастбищное мясное скотоводство и овцеводство, которым занимаются люди, привычные к этому ремеслу: чеченцы, аварцы, азербайджанцы, ингуши, грузины. Но нельзя умолчать об ином, очень важном.

Лет пять-назад обиделся на меня местный чеченец, назовем его Ваха. При встрече сказал: «Пишешь, что это чужая земля, не моя. Нет — моя. Я здесь работаю, а вы водку пьете». Кто такие «вы», осталось без ответа.

На вопрос, чужая эта земля для Вахи или своя, ответила жизнь: не здесь он родился; дай ему Бог ли, Аллах долголетия, но умрет тоже не здесь. И дети его разлетелись даже прежде отцовского ухода. Вот и получается: прожил тридцать лет, но на хуторе чужой. А отсюда и образ жизни: ничего здесь не мило, не дорого: ни люди, ни земля, ни вода. Прежде мы порою с ним мирно беседовали. Хутор и его жителей он ругал: «Плохие здесь люди…» Но пробыл среди «плохих людей» почти век, доброй памяти не оставив. Его последнее подворье — в подножье Прощального кургана, возле Дона и лесистого займища. Вахина козья орда в двести голов стравила под корень и вытоптала Прощальный курган, а по низине, над речкой превратила в пустошь, толоку когда-то просторный и щедрый луг; год за годом, зимою губила весь молодой подрост береговой тополевой рощи. Козе ведь самая сладость похрумтеть тонкими ветками да ободрать кору молоденьких деревьев. И такое — из года в год. В какой-то из своих работ Энгельс писал о том, что козы сгубили Древнюю Грецию и превратили север Африки в пустыню Сахару. Недавно прочитал в журнале «Наука и жизнь» о такой же трагедии острова Святой Елены: «…большую часть его покрывали

густые тропические леса… Прошло меньше трех столетий (с XVI века, когда открыли остров), и остров оказался почти голым. Пропали густые леса, не стало пышной растительности». Все это «просто-напросто съели козы! Несколько коз завезли первые поселенцы и дали им полную свободу… и они съели даже огромные эбеновые деревья».

Виноваты, уточню я, не козы, а хозяева коз. У нас донскую пуховую козу в хозяйстве держали всегда. В любой семье пряли пух и вязали из него теплые головные платки, носки, варежки, шарфы. Для себя, а в трудные времена — для продажи. В тяжелые годы пуховым промыслом спасались, на хлеб зарабатывая. Недаром в городке Урюпинске, что на Хопре, поставили памятник донской пуховой козе.

Пасти козье стадо очень трудно. Животина нравная: лезет на самые кручи, что твой альпинист; даже на деревья карабкается. Мекекекнет и мчится очертя голову. Коз пасти трудно. Но их разводили, пасли с большим приглядом, сберегая землю и округу. На луга да в займище коз никогда не пускали. Там — сено, там — лес. Беречь надо. Так было при казачестве и при колхозах.

Вахины козы паслись вольно. Для них и для их хозяина запретов и указов не существовало. Вот и погубили округу. Теперь Ваха уехал, доброй памяти о себе не оставив. Он травил и людей, торгуя не самогоном, который у нас дело обыденное, а каким-то поганым пойлом. Сколько душ он сгубил, знает лишь Бог. Он бесстыдно скупал краденое; обманывал людей, которые на него работали; а уж несчастных «бичей» содержал хуже скотины, бил их. Последний бедолага, сбежав от хозяина, умер на пороге станичной больницы.

Своего дома, собственного, за тридцать лет жизни на этом хуторе он так и не построил, жил в совхозных, переходя из одного в другой. Хуже того, он полхутора, считай, разорил. Лишь останется чей-то дом без хозяина, без пригляда, там уже Ваха — словно черный ворон — копошится, старается: снимает шифер, выдирает полы, двери да рамы. Все приберет. Сначала — ночью, а потом уж и белым днем добирает остатки.

Говорю об этом человеке вовсе не потому, что хочу укорить его соплеменников всех разом. Но как не спросить: кто стал хозяином этих донских просторов? Земли, воды, выпасов, займищного невеликого леса.

При старом дореволюционном порядке хозяином было казачье общество, круг, который избирал хуторское правление, атамана. Последнего набатовского атамана по имени Финака помнят и через век. Погубить хуторской луг, запустив туда на пастьбу коров или тем более коз, было делом немыслимым. Даже

на телеге по лугу нельзя было проехать. Следили за родниками, чистили их каждый год. Хворост на плетни и чакан на крыши рубили в одно время и в определенных атаманом местах. Словом, в хуторской и станичной округе хозяин был.

При советской власти командовал председатель колхоза или управляющий отделением. Тот же луг берегли. С него накашивали сена на весь совхоз.

Теперь нет ни казаков, ни колхозников, ни атаманов, ни председателей. У нынешней сельской администрации много обязанностей, но мало прав.

Степь горит два ли, три раза за лето у всех на глазах. И никто не тушит. Выгорают вековые деревья в лесистых балках, займищные лес, лесопосадки, не говоря о травах. Уже не осталось ни смородины, ни жердел-абрикосов, ни обыкновенного «сибирька» для веников. Все родники скотина, затоптав, превратила в болота. Пастьба скотины по редким теперь озимым хлебам — дело обычное. Выпасы да бывшие сенокосы превращают в толоку. Хозяина нет. А всякий дом, большой или малый, держится хозяином. Это — вековой закон.

Но кто теперь хозяин в Набатове, Большом или Малом, в той же Большой Голубой, в Осиновке?

Жители коренные ушли с хуторов и теперь не вернутся. Новые поселенцы, на мой взгляд, пока остаются временными насельниками, приехавшими на заработки. Тридцать лет они живут на этой земле, с, меняя друг друга: одни уехали, другие на их месте селятся. За все эти годы знаю лишь один новый дом, построенный Русланом Дадаевым в Голубинке. А прежние, коренные жители первым делом строили дома для себя, для детей и внуков, которым здесь жить.

Еще одно, очень важное: всех умерших новые поселенцы хоронить увозят в Чечню, в Дагестан, на родину. Значит, эта земля — не своя. Большинство кавказских семей живут на два дома: здесь и на родине. Дети, родители, братья, сестры… Уезжают, приезжают, работают, снова уезжают.

У нас жили и живут татары, калмыки, казахи, мордва, чуваши, не говоря о братьях-славянах. Женятся, выходят замуж, на национальность не глядя. А вот с кавказскими выходцами смешанных браков нет. У них свой круг. «Поматросить» и бросить могут, но замуж русскую ли, украинку не возьмут.

Еще одно: для всех очевидное, порою (особенно у молодых) показное пренебрежение к обычаям, нравам, вековым житейским законам здешних людей. Угон чужого скота — событие рядовое, почитаемое чуть ли не доблестью. Отношение к молодым женщинам, девушкам… Недаром стихийные массовые протесты

не раз вспыхивали в Клетском, Ленинском районах, в той же Голубинской. Власти гасили их пустыми обещаниями. А что делать? Выселять не получится. Не получается даже диалога. Где-то уже писал я, как несколько лет назад могучий десант руководства Калачевского района во главе с начальниками всех «ветвей власти», в том числе «силовых», прибыл в поселок Крепь для серьезного разговора с «кавказской диаспорой» по поводу… По многим поводам, о которых я упомянул. Начальство прибыло. Но разговора не получилось. Другая сторона на встречу демонстративно не явилась, показав, кто на этой земле хозяин.

И когда все это вместе сводится: дом, родительские могилы, браки, то невольно появляется мысль о том, донская земля для этих людей тоже чужая. «Поматросил» и бросил. Раньше говорили откровеннее: «Поживу десять лет, построю дом в Грозном и уеду». Потом была война. Нынче, слава богу, утишилось…

Но ведь по-прежнему пасут на чужих хлебах скот, до голой земли «выбивают» луга, губят невеликие леса, займища; две сотни голов скота, и нет ни гектара земли, хотя бы в аренде. Это чтобы «земельный налог» не платить.

А ведь нынче кончилось время неопределенности, когда гадали и думали: «брать» землю или «не брать», оформлять по закону или погодить? Который уже год состоявшиеся фермерские хозяйства поверили и поняли: обратного пути не будет, и потому активно занимаются межеванием, регистрацией, получая законное право уже на сотни, на многие тысячи гектаров земли. В Задонье, в Голубинской округе по-прежнему тишина; тысячи голов скота пасутся и кормятся на «ничейной» земле. Казачество вывелось и ушло, для новых поселенцев тридцать лет, может, и не срок. Но пример земель, превращенных в пустыню, он и для нас урок.

Кто новый хозяин, этой просторной русской, донской земли? Ответа нет.

* * *

Мой зимний путь от хутора Большой Набатов до станицы Голубинской был неспешен и потому долог.

Славный солнечный день. Просторное лоно замерзшей реки. По левую руку — молчаливое лесистое займище; справа — высокие обрывистые холмы, надежный укрыв от ветра.

Заглянул я и в займище. Там — тихие озера, с редкими бобровыми хатками. Снегу нынче выпало мало. И потому замора рыбы в озерах не будет.

Побывал в займище, миновал Малоголубинский хутор, дремлющий в зимнем, стариковском бытье: ни рыбаков на льду, ни ребятишек с клюшками ли, санками. Шагал и шагал по льду, а потом стал подниматься на высокий берег, к Городищу.

Этот древний курган, словно могучий богатырь, уже многие тысячи лет высоко вздымается над округой, охраняя покой земли и воды. Все он видит, все знает, но молчит. Потому что род людской, суетный, муравьиный мудрости высокой постичь не в силах.

Приходит ветер и уходит ветер, словно пыль, сметая могучие племена и великие государства.

Сколько было здесь славных витязей, могучих пахарей и черного люда, уже в пору недавнюю: казаки, мужики, голытьба, «востропузая чига», «иногородние», «белые», «красные». Кровь и вражда, вражда и кровь. И земля всех принимает, кормит, потом покоит; а ветер сдувает память. И попробуй пойми: чья это земля?

Только вчера еще живой, великий трудяга Виктор Кравченко, чуя скорый уход, предлагал новому соседу: «Купи мою усадьбу, мою землю!» Новый поселенец лишь плечами пожал, сказав: «Зачем? Ты уйдешь и землю с собой не возьмешь. Она здесь останется», — сказал он; не ведал, но простодушно повторил прозвучавшее еще во времена библейские: «Род преходит и род приходит, а земля пребывает вовеки».

Вот она — вечная истина. Понять ее можно. Труднее принять. И не только нам. Примеров тому не счесть. Но свое— больнее.

И потому, даже прощаясь с хутором, думаешь о нем, желая этой донской земле доброго хозяина на новый и долгий век.

2009